ПО УМОЛЧАНИЮ

НОЧНАЯ СМЕНА



ЭВАН РОУК

Эван Роук
Ночная смена

https://litres.ru/74829477
SelfPub; 2026

Аннотация

В 2041 году диспетчер Илья Рогов нанимает цифрового двойника, чтобы тот работал по ночам. Дополнительный заработок поможет закрыть долг за квартиру, а у Ильи наконец появится больше времени для дочери.

Однажды Лида напоминает ему о поездке в парк. Илья такого обещания не давал. В журнале звонков он видит, что накануне дочь семь минут разговаривала с двойником. Для неё это был папа.

Первая книга антологии «По умолчанию».

Содержание

Оглавление 5
1. Четыре минуты 6
2. Свободный интервал 17
3. Принял 27
4. До девяти 36
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эван Роук
Ночная смена

ПО УМОЛЧАНИЮ
Ночная смена

Оглавление

1. Четыре минуты
2. Свободный интервал
3. Принял
4. До девяти
5. Доход подтверждён
6. Рыба на воротах
7. В полдень у воды
8. Список участников
9. Живой голос
10. Семьдесят два часа
11. Бумажный маршрут
12. Время получателя
13. Условия закрытия
14. Створка номер четыре
15. Передача смены
16. Один адресат
17. След бумаги

1. Четыре минуты



Без четырёх минут шесть Илья пообещал дочери, что заберёт её к шести. Он уже стоял у турникета в пальто и держал перчатку в зубах. До школы было четыреста двадцать метров.

— Ты уже идёшь? — спросила Лида.

Он вытащил перчатку изо рта.

— Уже.

Тамара дважды стукнула костяшками по стеклу диспетчерской. Так она звала, когда на линии уже кто-то ждал.

— Ровно четыре минуты. Можешь считать, — добавил он и убрал телефон.

На перекидном календаре у Тамары было обведено двадцать первое октября 2041 года. Сегодня проверяли резерв. Отопление на первом этаже выключали в четыре. Илья сел

рядом с Тамарой, не снимая пальто.

— У тебя Шеин пропал с карты, — сказала Тамара.

— Он внизу под дамбой. Там у него всегда связь пропадает.

— Вот он и звонит. Связь то есть, то нет.

По второй линии женщина медленно диктовала Тамаре новый код домофона. Тамара подвинула к Илье клавиатуру.

У службы доступного транспорта было восемь автобусов. Половина принадлежала городу, остальные купили разные организации. Значок автобуса Шеина застыл там, где ещё ловила связь. Дальше Диме предстояло ехать вдоль воды. Когда река поднималась, нижнюю дорогу перекрывали с обоих концов.

— Дим, что у тебя?

Ответило эхо. Дима всегда говорил с Ильёй на громкой связи. Водительское место у него было завалено держателями, и ни один не подходил к служебному телефону.

— Цепь.

— Где цепь?

— Поперёк дороги цепь, Илюш. На бумаге у тебя чего?

Илья увеличил карту. У четвёртой створки вода была в норме, проезд по нижней дороге числился открытым. Выше, в переходе под дорогой, был подъёмник. Судя по графику профилактики, он должен был проработать до позднего вечера.

— По карте проезд открыт. Кто цепь повесил?

— Мужчина какой-то. Махнул рукой и ушёл.

— В машине сколько?

— Двое в салоне. У малого выхода больницы ещё Зинаида Борисовна с ходунками. Мне её тоже забирать. Я что, через цепь перелететь должен?

— Подожди. Попробую найти другую машину.

Резервный автобус сняли с линии в полдень. Вместо него выпустили обычную маршрутку с двумя ступеньками. После обеда Илья шесть минут провозился, вычёркивая её из списка машин, которые могли брать пассажиров с колясками и ходунками. К вечеру маршрутка снова оказалась первой в очереди. Система видела два свободных места. Илья убрал её ещё раз.

— Тамара, на правом берегу кто-нибудь есть?

Она прижала наушник к уху.

— Если пешком, есть мы с тобой.

Из школы пришло видео. Лида снимала свою руку крупным планом. На подушечках пальцев она нарисовала четыре синих кружка и один зелёный. В кадре виднелись половина лавки и Светланины туфли.

— Зелёный — это сколько? — спросил Илья и только потом сообразил, что это запись. Телефон отправил вопрос отдельным голосовым сообщением.

Он нашёл объезд поверху. От Димы до малого выхода — двадцать две минуты, если повезёт с обоими светофорами. Надо было задом отъехать от реки, подняться к больнице

и свернуть к выходу с другой стороны. Зинаиду Борисовну должны были забрать двадцать семь минут назад. Если Дима развезёт тех двоих и поедет домой, её заявка уйдёт на утро. Зинаиде Борисовне опять придётся ждать в приёмном.

— Дим, садись за руль. Покажу, как объехать, — сказал Илья.

— У меня до конца смены шесть минут.

— Запишу сверхурочные.

— В том месяце тоже записал, я видел. У меня мать одна. Я ей обещал зайти до семи. Помочь ей переодеться, еду разогреть. Она её на плите оставляет.

— Зинаиде тоже кто-то чего-нибудь обещал.

Вышло так, будто он учит Диму держать слово.

— Тут один объезд. Тамара пришлёт охранника с ключом к малому выходу. Довези её, пожалуйста.

Дима долго молчал. Тамара уже водила пальцем по контактам отдела реабилитации, искала дежурного.

— Если охранника нет, — сказал наконец Дима, — я с ней возле ворот сорок минут торчать не буду. Ты мне это тоже запиши.

Илья перестроил маршрут через верхнюю дорогу. На карте появилось новое время прибытия. Тамара уже договаривалась с охранником, чтобы тот открыл малый выход. На камере у цепи показался велосипедист. Он спешился, приподнял цепь и провёл велосипед под ней.

В шесть ноль три Светлана прислала сообщение: «Я здесь

до 18:10. Напишите, кто возьмёт». Семь минут назад Илья сказал Лиде, что уже идёт. Он открыл переписку с Оксаной, сестрой Веры. Последним было её сообщение: «У меня руки в клею. Звони». Он набрал её номер.

— У тебя понедельник, — сказал он, когда она ответила.

— Я могла подстраховать до пяти. Ты обещал, что сегодня сам её заберёшь. Я уже села за заказ.

— Встань на десять минут. Я на работе.

Тишина в трубке была такая, что ему пришло в голову посмотреть на часы ещё раз.

— Найди себе другого человека, которому будешь говорить «встань», — сказала Оксана. — Ты Светлане отпишись, что я приду.

— Я сам приду, — зачем-то сказал Илья.

— Ты в пальто уже?

Он откинулся на спинку кресла. На плечах хрустнула подкладка.

— Да.

— Тогда расстегнись. Доведёшь до теплового удара.

Сообщения «заберёт Оксана» оказалось мало. Светлане нужно было внести Оксану в список на сегодня. Илья продиктовал код с телефона. Пока Светлана заполняла форму, из трубки доносился шум воды.

— Всё. Оксана уже в списке. Лида, разговаривай.

— Ты придёшь? — спросила Лида.

— Дома увидимся.

Лида сама завершила звонок. Илья убрал телефон в карман и застегнул молнию.

• • •

В восемнадцать сорок одну Дима высадил последнего пассажира и позвонил, чтобы закрыть рейс. На панели ему предлагали две кнопки, «по плану» и «не состоялся». Первая подставляла в итог исходную нижнюю дорогу, вторая лишала его оплаты за поездку.

— Закрывай по плану, я поставлю примечание.

— Поставь крупно. Чтобы из соседнего города видели.

Кнопку «примечание» Илья нашёл, когда уже выключал компьютер. Она была внизу меню, которое открывалось правой кнопкой мыши. Он написал «Объезд. На нижней дороге цепь». Пальто так и не снял. В воротнике накопилась влага. На улице сразу стало холодно.

По дороге домой Илья зашёл за продуктами. Положил на весы три морковки и, увидев цену, одну отложил. Подождал, пока камера пересчитает сумму. На выходе ручки пакета врезались в пальцы. Он перехватил пакет другой рукой и посмотрел на телефон. Срок оплаты квартиры истёк вчера.

Почти месяц назад хозяин квартиры обещал зайти посмотреть вздувшийся плинтус. Плинтус высох. Хозяин так и не зашёл. Илья привык платить в два приёма — с аванса и с зарплаты. Пока второй платёж оставался небольшим, обоих это устраивало. Теперь он был должен одиннадцать тысяч восемьсот. На карте оставалось три тысячи семьсот сорок. В

корзине оптового магазина ждало Лидино лекарство от аллергии; хранили его бесплатно до пятницы. Илья уже решил, на что потратит остаток. Ему хотелось перестать каждый раз открывать эти три разные программы.

Оксана с Лидой пришли домой раньше него. Оксана стояла у раковины. Она подставила руки под воду и попросила сахару. Илья сыпанул ей на ладонь ложку. Она растёрла сахар с мылом. Клей сошёл с пальцев серыми катышками.

— Тася где? — спросил он.

— Ждёт меня в мастерской.

Илья положил морковки на стол.

— Можешь оставить мне ключи от мастерской. Я закрою.

— Тася там работает. Я показала ей, как резак блокировать. Если увидит чужие руки рядом, меня пошлёт. И будет права.

Из комнаты слышалось, как Лида переворачивает листы. Оксана смыла сахар и вытерла руки бумажной салфеткой.

— Во сколько она поела?

— Ты у меня спрашиваешь, потому что я похожа на табло? Сходи к ней.

Оксана поправила сумку на плече. Из неё торчал угол тонкой пачки картона.

— Илья. В среду в пять я могу. А сегодня мне пришлось бросить заказ. Завтра ещё часа два с ним возиться.

Он подвинул к ней пакет, чтобы она могла взять морковь. Оксана посмотрела на него, застегнула сумку и ушла. За две-

рью шаги сразу затихли. Илья вспомнил, что в подъезде погас свет между этажами и что она теперь, наверное, ищет выключатель.

Лида сидела на полу, разложив на ковре семь белых прямоугольников. Из соседней комнаты тянуло холодом. Окно за её письменным столом каждый день запотевало снизу, и Лида научилась рисовать на стекле до высоты ладони. Сегодня стекло было чистым. Фломастеры лежали на подоконнике, на махровом носке.

— Зелёный был после четырёх? — спросил Илья.

— Зелёный был на потом.

— Покажешь, чем занята?

Она тут же переложила белые прямоугольники поближе к свету. Илья знал эту готовность: после ссоры она соглашалась на всё. Бумага была разной толщины. На одном листе проступила мелкая квадратная сетка, на другом — круглая решётка с протёртым местом посередине.

— Это у нас на улице. Кладёшь бумагу, а потом вот так. — Она достала из жестянки короткий восковой мелок, легла на живот и провела по листу боком мелка. — Видишь? Тут ещё палец отпечатался. Его можно вырезать.

— Куда это всё?

— В альбом. У Сони дома плитка с собакой. Она положила бумагу прямо на собаку. А Оксана сказала, что у нас парк с рыбой. Там погладить можно.

Илья знал ворота в «Ракушках», помнил тяжёлую рыбу на

решётке и низко посаженную ручку калитки, за которую в детстве хватался двумя руками. За парком тянулся такой же чугунный забор. В конце лета у арки вырос новый павильон с билетами, прокатом наушников и круглой машиной, печатавшей фотографии. Чугунная рыба осталась на месте.

— Далеко, конечно, — сказал он.

Лида потянула обратно лист с решёткой. Илья накрыл его ладонью.

— Подумаю, когда туда сходить. Рыбу тоже боком мелка надо? Покажи, как держать.

Лида придвинула жестянку. Илья узнал коробку Веры. В ней та хранила лезвия и кружочки с номерами, вырезанные из упаковки. Такие кружочки она клала в ящики с винтами и петлями. После её смерти Илья дважды собирал всё это в мешок и оба раза раскладывал обратно. На ящике с градусником осталась полоска скотча. На ней Вера написала, когда меняла батарейку. Когда Лида научилась разбирать буквы, она спросила, почему с тех пор батарейку ни разу не поменяли.

— Вот тут держи, — сказала Лида. — А то будет просто полоса.

Он взял мелок двумя пальцами и долго возил им по бумаге. Сначала слишком сильно нажал и порвал угол. Лида подала ему другой лист. В тишине над столом вдруг послышалось лёгкое гудение. Телефон завибрировал в кармане и задел пряжку. Илья не стал его доставать.

— Чуть-чуть палец подвинь, — сказала Лида. — Вот теперь видно.

В первый год после смерти Веры Илья ещё думал, что справляется. В саду их знали и звонили редко, а по воскресеньям за Лидой заходила Оксана. Он знал, какие макароны Лида любит, и перед стиркой заворачивал её колготки в полотенце, чтобы они не цеплялись за липучки на куртке. Потом на базе объединили два поста, а когда Лида пошла в школу, за продлёнку пришлось платить отдельно. Теперь он всё чаще звонил в школу из диспетчерской, хотя до неё было четыре минуты пешком.

Морковки так и лежали на кухонном столе. Он спросил, хочет ли она супа. Лида сказала, что ела у Оксаны булку. Можно было встать и пойти варить. Илья остался на полу ещё на минуту.

— Где у тебя будет наша улица? — спросил он.

— Сначала.

— А за ней?

Лида подобрала с ковра лист с обведённым пальцем и положила рядом.

— Тут будет как пойдём.

Он поставил воду для супа, нарезал морковь и бросил её на сковороду. В двадцать один двадцать четыре пришёл расчёт за переработку. Надбавки опять не было. В общем канале Тамара написала, что утром проверят начисления, и переслала объявление: «Работа в интервале вашего отдыха».

На картинке человек отодвинулся от стола. Перед экраном остался пустой стул под лампой. Илья приблизил картинку. Продавленное чёрное сиденье показалось знакомым. На таких стульях семь лет назад оборудовали их диспетчерскую.

Он открыл объявление, посмотрел цену пробного запуска и вернулся к плите. Морковь успела прихватиться снизу. Он перемешал её и убавил газ. Из комнаты Лида спросила, можно ли на завтра взять его большую папку на резинке.

— Можно, — сказал он. — Сейчас принесу.

На этот раз он выключил плиту и принёс.

2. Свободный интервал

Утром Илья увидел в кармане пальто алюминиевую ложку. Он сунул её туда на базе, когда ел гречку из контейнера, и весь вчерашний вечер носил с собой. От ложки пахло стиральным порошком. Он положил её рядом с тарелками. Лида вымыла ложку, ничего не спрашивая, и отнесла обратно к пальто.

— Зачем?

— Она у тебя рабочая.

По дороге в школу Лида шла вдоль стены, Илья — у края тротуара. Лида сунула папку под мышку и вытаскивала сухие стебли из щелей между кирпичами. У школы ему захотелось взять её за руку. Она перехватила папку и протянула ему ладонь. В другой руке, у груди, держала последний стебель.

У дверей продлёнки висел свежий лист с фамилиями. Внизу Светлана от руки приписала, по каким дням работает до шести. За решёткой на её столе стоял перевёрнутый стул. Раньше двое сотрудников успевали и звонить родителям, и отпирать калитку. Теперь, стоило Светлане отойти проводить ребёнка, автоответчик предупреждал: повторный звонок увеличит время ожидания.

Лида отпустила его руку и подхватила папку обеими руками.

— Я сегодня сама донесу. А где тут парк?

Илья поискал на школьном стенде. На схеме прогулок было два квадратика: зелёный обозначал парк на правом берегу, голубой — пристань. Прямой автобус сняли в прошлом году из-за ремонта проспекта. Лучше всего было сесть на катер возле базы, где река делала петлю. Пешком почти весь путь пришлось бы идти вдоль ограды заготовительной станции.

— Вот отсюда катер ходит. Пока река не замёрзла.

Лида прижала ладонь со стеблем к голубому квадратику.

— А если он уедет, когда мы уже там?

— Напечатаем расписание.

Она развернулась и пошла к классу. Когда Илья задерживался у дверей, она оборачивалась всего один раз. Сейчас у раздевалки между ними прошёл высокий мальчик с рюкзаком, и Илье показалось, что он пропустил её взгляд.

На базе Тамара отдала ему распечатку начислений. На первом листе были расписаны вчерашние сорок пять минут. На втором объяснялось, почему за них не заплатят. Дежурная надбавка начислялась при наличии ночного окна в графике. Дневная смена Ильи кончалась в шесть вечера. На ночную он не записался, потому что собирался за Лидой.

— Проведу эти часы вручную, запись в журнале есть, — сказала Тамара. — Оплатят в следующем месяце. За сентябрь ещё не перечислили.

— Почему?

— Мне на этот вопрос отвечают про октябрь.

Она сидела на краю подоконника и упиралась ногой в выдвинутый ящик с журналами. У верхнего журнала вместо закладки был тяжёлый металлический зажим. Так издалека было видно, какая строка ещё открыта.

— Второй стол у меня после десяти пустой, — продолжила она. — Можно вернуть тебе часы, если найдёшь, на кого оставить Лиду. Или посмотри объявление. Они пробуют четыре ночи, наш узел в списке. Первый запуск девять рублей.

— Я смотрел. Откуда у них наш стул?

— Им дали фотографии базы, форму заявки и записи рейсов за две недели. Фамилии пассажиров убрали. Какие свои разговоры отдать, решаешь сам. Я только открою доступ к рабочей сети. Пока программу учили в основном на заказах такси. Может, и с нашими срочными вызовами справится, если показать как.

Тамара положила распечатку на его стол. Когда семь лет назад его перевели с машин в зал, путевые листы были самокопирующимися. Один экземпляр оставался у водителя, другой — у Тамары. Теперь бумагу берегли для происшествий, а начислениям было достаточно, чтобы часы существовали в одном определённом поле.

— Ты бы согласилась? — спросил он.

Тамара подобрала с подоконника телефон, посмотрела на экран.

— Мне ночи нужны, Илья. Я на них до пенсии. Если ночную смену начнут сворачивать, я узнаю последней. А если

город увидит, что мы и так полгода справляемся с пустым креслом, свернут ещё раньше.

Внизу хлопнула дверь гаража. Дима принёс чехол от водительского терминала, который давно просил заменить, и чек. Чехол положил на шкаф, чек ткнул Илье в руку. Вчерашний рейс уместился на полоске бумаги: цифры чуть крупнее рисового зерна.

— Считай. Две посадки в начале, одна у больницы. А где отметка, что я от больницы уехал?

Илья увидел строку со створкой. По отчёту Дима проехал по нижней дороге в восемнадцать двенадцать. В это время он ещё выбирался оттуда задом. Примечания в чеке не было.

— Если сейчас исправлю, статус слетит и задержат выплату, — сказал Илья.

— Я тебе не про выплату. Если опять повесят цепь, они другого мужика сюда погонят с теми же цифрами.

Илья вынул ручку и написал на обороте телефон диспетчерской. Диме он был не нужен. Во время таких разговоров Илье хотелось сделать что-нибудь руками.

— У кого ключ? У дорожников?

— Дорожники повесят цепь и, пока не снимут, про тебя и не вспомнят. За створку отвечает местный, Пётр. Он мне показывал будку. Как от верхних ворот спустишься, две трубы торчат параллельно, между ними лестница. Если всё поплывёт, у него там высокие двери и сухой ход. Только спроси сначала, а то тебя в следующий раз оттуда будут багром из

воды вытаскивать.

— Могу подать дорожникам отдельную заявку на то место.

— Можешь. Отправляй.

Дима забрал чек, сложил пополам. Илья ещё не успел нажать ничего на экране, а Дима уже уходил.

— Мать нормально? — спросил Илья ему в спину.

— Оставила мне котлету. Специально под тарелку. Чтобы я, значит, знал, что приехал поздно.

Когда Илья наконец открыл форму заявки на ремонт, она предложила выбрать адрес остановки. Возле цепи остановки не было. Он указал малый выход больницы и приложил фрагмент карты. Через несколько минут пришёл номер заявки и просьба подтвердить инвентарный номер объекта. Илья закрепил письмо вверху, чтобы вернуться к нему после обеда.

• • •

В три часа Оксана ответила с улицы. В мастерскую заносили листы картона, и она раз за разом прерывала разговор, чтобы сказать, куда их ставить.

— Ты можешь к нам в четверг после шести? На полчаса, — спросил Илья.

— В четверг мы с Тасей уходим из мастерской в половине седьмого. Что у тебя?

— Хочу поспать.

Оксана помолчала. За её спиной о плитку стукнули ли-

сты картона. «Хочу поспать» прозвучало даже мирно. Обычно звучало «подмени», «выручи», «забери на полчаса». За эти полчаса он успевал ввязаться в дело, которое нельзя было бросить на середине. Один раз за последние месяцы он попробовал заснуть днём. Разделся, накрылся одеялом, выключил будильник, успел вспомнить все долги и встал через двадцать минут поесть хлеба.

— Тебе прямо хватит полчаса?

— У нас испытывают программу. Она будет отвечать на ночные вызовы моим голосом. Меня разбудят, только если случится что-нибудь срочное.

— Слушай, если ты деньги занимаешь, скажи сразу.

— Я считаю. Пока вроде выходит.

— Когда посчитаешь, позвони, — сказала Оксана. — За полчаса можешь не переживать. В четверг после пяти пусть Лида ко мне приходит, доведу обеих потом.

Закончив разговор, Илья увидел, что Оксана давно сняла в семейном календаре галочку «Доступна всем». Клетка четверга пустовала. Он вписал её часы и поставил себе напоминание. Хотелось как-то поблагодарить её. Календарь отправил ей ещё одно приглашение, на которое теперь нужно было ответить.

В офисе «Меры» стулья были те же. Илья отодвинул от стола один и обнаружил на чёрной обивке подлокотника тканую бирку базы. Дежурная Евгения принесла стакан воды и увидела, куда он смотрит.

— Нам для пилота отдали всю мебель, которая раньше была в выездном классе. Только высоту придётся под себя выставить. До вас тут девушка сидела, пониже вас.

Она показала рычаг. Стул упал сантиметров на десять. Илья ударился коленом о край столешницы и впервые за день рассмеялся. Ему было проще представить, что он пришёл сдавать очередной экзамен по безопасности и после него пойдёт домой.

Евгения попросила его наугад выбрать один из пяти учебных звонков. В первом искали потерянные в салоне ключи, в двух просили изменить адрес. В четвёртом кто-то тяжело дышал и пытался назвать остановку, а рядом спорили из-за свободного места. Илья навёл курсор на четвёртый звонок.

— Это ваш архив?

— Наш тест, собирали с городами. Имена поменяны. Никому звонить от вашего имени сейчас не будем.

В наушниках женщину было слышно лучше, чем людей вокруг неё. Она говорила «мельница», проглатывая звуки. Другой голос ответил, что заявка принята. Илья ждал, куда собеседник направит машину. В Ключевске мельницей можно было назвать два места. На карте оба назывались иначе.

— Подскажите, какой у вас сейчас под ногами пол? — спросил голос в наушниках.

Женщина замолчала, потом сказала, что там деревянный настил, на котором оставляют велосипеды. Голос спросил, виден ли оттуда светофор. Светофора не было. Тогда он по-

просил её отойти к серой стене с панно, туда, где автобус сможет развернуться. Отойдя к стене, она перестала перекрикивать людей. В конце попросила остаться на линии, пока не подъедет машина.

— Это кто? — спросил Илья, сняв наушники.

— Исполнитель из другого города. Мы дали ему ту же карту со снимками улиц, что и вашим диспетчерам. Вашей памятки для таких звонков у него не было.

— Можно всё равно было ошибиться. Возле обеих мельниц есть настилы.

— Поэтому он уточнил про светофор, а потом попросил её встать у стены и дождался, когда водитель её увидит. Смотрите.

По шкале было видно, что в конце звонка ещё две минуты оставались на линии. Когда женщина замолчала, голос спросил, можно ли просто подождать вместе с ней, и тоже замолчал. Илья перемотал запись к началу. За последние полгода несколько пассажиров перестали сами объяснять диспетчеру, где стоят. Они ждали, пока родные смогут позвонить с их телефона. Заявку от чужого имени было труднее оформить.

— Долго, — сказал он.

— Долго. Зато ей не пришлось звонить ещё раз. Хотите сразу попробовать ночью или сначала запустим под присмотром?

— Под присмотром. У меня маленькая дочь.

Евгения поставила стакан на подставку у монитора, прямо

на надпись «Не принимаем решения за вас», и тут же сдвинула его в сторону. Видимо, стакан загораживал ей шкалу.

Пробный запуск стоил девять рублей. В цену входили обучение и четыре пробные ночи. Город платил за обработанные заявки, «Мера» удерживала комиссию. Остальное получал Илья: он обучал двойника и оставался на подхвате, если программе понадобится человек. Сама программа допуска к смене не имела. При редких ночных вызовах такой порядок обходился городу дешевле второго занятого поста. Илья посмотрел на пустое кресло у соседнего стола. Под кнопкой «Пауза» поясняли: новые вызовы можно отключить сразу, открытые надо передать дежурному. Он спросил, почему нельзя просто выключить программу.

— Бывает, человек успел пообещать кому-то машину, а она ещё едет, — ответила Евгения. — Программу закрыть легко. Куда деть машину?

Он вспомнил вечерний жёлтый прямоугольник над Тамариным столом. Пришло сообщение из школы. Лида, как обычно, писала строчными: углом карты прорвала пакет с листами, тот, что лежал в папке на резинке. «ты только не выкидывай пакет. там всё равно можно закрыть». Илья заглянул в рабочую сумку. Второй такой пакет и правда был на месте.

Он вернулся к анкете. Среди вопросов был один про желательное время отдыха. Сначала он ввёл четыре часа. Потом поставил шесть. Столько он иногда спал в ночь на воскресе-

нье, если удавалось лечь до двух. В соседнем поле открывался список целей: «подработка», «восстановление», «сменный график». Илья выбрал последнее. У кого дома начинается смена в пять утра, в списке не уточнялось.

Евгения кивнула на последнее пустое поле. Туда надо было вписать позывной для её журнала.

— А по имени можно будет понять, где я, а где он? — спросил Илья.

— В журнале у исполнителя будет отдельный номер. Собеседник услышит ваш голос и имя, которое вы согласуете.

Илья набрал первую букву имени. Анкета сразу подставила полное: Рогов Илья Сергеевич. В кармане пальто ложка стукнула по краю стола. Он вынул её и держал левой рукой, пока правой подтверждал платёж.

3. Принял

В анкете было ещё одно поле: «Какую запись вы боитесь потерять?» Илья не сразу понял, что достаточно привести пример. Евгения, сидевшая напротив, постучала по своему планшету.

— Это для настройки хранения. Можете попробовать на голосовом сообщении самому себе. Если отметите запись, при смене телефона мы сначала предложим проверить копию.

У Ильи на телефоне хранилось сообщение Веры, присланное за год до больницы. Оно начиналось словами «Там слева в ящике» и длилось одиннадцать секунд. Слева в ящике тогда лежала деталь для скрипучей кровати. Он заменил её в тот же вечер. Вера часто присылала такие сообщения. В конце записи она попросила не включать свет в комнате, если он придёт поздно, и тихо рассмеялась, будто прикрыла микрофон ладонью. Лида в тот вечер ждала его на кухне, в пижаме. Илья так и не понял, кто, по расчёту Веры, должен был к тому времени спать. Однажды он включил запись Лиде. Услышав про ящик, она сказала Вере, что шкаф у них теперь другой.

— Личные сообщения я вообще не переношу, — сказал Илья.

— Их у вас и не спрашивают для работы.

Евгения закрыла страницу. Илья ещё раз посмотрел на пустую полоску. Если её заполнить, придётся вспомнить, через сколько месяцев после смерти Веры он впервые включил эту запись нарочно. Рабочие файлы он уже передал: переписку, десять разговоров, которые водители разрешили использовать, и ведомости без фамилий пассажиров. В двух местах попросил при нём удалить личный номер Димы. С водителем двойник мог связаться через рабочий шлюз. Напрямую с личного телефона, как это делали диспетчеры, звонить он не мог.

Илью посадили в соседней комнате за полупрозрачным стеклом. На столе лежали три листа. Надо было читать вслух, решать, как поступить в каждом случае, и объяснять свои решения. Оператор предложил воды. Илья отказался. Микрофон записал и щелчок сухого языка, и невольную отрыжку.

— Объясните пассажиру, что место посадки изменилось, — попросила Евгения через динамик.

— Если вы дойдёте до вывески, вам там будет удобнее, — прочёл Илья.

— Это диспетчерская памятка. Скажите так, как сами скажете.

— Вы сейчас куда смотрите?

— Я вас не понимаю.

— Вы на остановке сидите? Хорошо, посмотрите прямо перед собой. Видите белое и жёлтое?

В учебном сценарии посадку перенесли на шесть метров: на площадке перекладывали плитку. По инструкции Илья должен был сказать пассажиру, сколько идти. Он предложил водителю встать в кармане у железного ограждения: с лавки будет видно машину. Его спросили, что делать, если водителю запрещено там ждать. Илья, не подумав, сказал: «Попросить постоять ещё чуть-чуть». Евгения помолчала.

— А как вы просите? — сказала она.

— Дим, пять минут. Ну.

На стекле появился рисунок автобуса, перегородившего велодорожку. Илья сказал, что возле больницы в том месте дорожки нет. Евгения открыла карту и попросила показать, где будет ждать машина. Он ткнул пальцем в нужный карман у дороги. Красная метка возникла в сорока метрах, за корпусом. На экране два места почти совпадали. Между ними стояло целое здание.

К концу часа Илья сверял снимки с сигналами водительского терминала, рассматривал фотографии тормозов подъёмников и объяснял, откуда так хорошо знает район. Никто не спрашивал, когда он впервые привёз Лиду к реке, сколько зубов у неё сменилось и почему ему неприятно есть овсянку, пока она стучит ложкой о край миски. Он ушёл с ощущением, что сдал на склад инструменты и забыл сказать, какие нельзя оставлять сырыми.

• • •

Первые сорок минут решили отработать в четверг при Та-

маре. Илья подошёл без десяти шесть. В диспетчерской пахло прогретой пылью. Тамара держала на коленях журнал. Над длинным печатным списком она вписала фамилию Рогов, провела черту и проставила часы.

— Сначала примешь у меня. Смотри открытое.

В очереди было четыре коротких заказных рейса и один длинный. Место посадки по-прежнему было отмечено у ворот больницы. Пожилой водитель согласился ждать ещё пятнадцать минут, но у него оставалось топлива на один круг. Тамара перетащила запись в соседнее окно и развернула экран к Илье. Он увидел три возможных маршрута, контактный номер и отметку: пассажир с ходунками. У края окна серел флажок. Илья щёлкнул по нему, принимая рейс. Тамара сняла с журнала металлический зажим и положила перед ним.

— Через сорок минут передашь обратно, — сказала она. — Скажешь «принял», когда увидишь рейс у себя.

— Принял.

Двойнику выдали доступ к тем же четырём коротким рейсам. Длинный Илья оставил себе. Евгения из офиса «Меры» сидела на техническом канале. В одном наушнике Илья слышал всё, что говорил двойник. На экране рядом с каждым действием стоял номер исполнителя. В квадратной рамке без фотографии высвечивалось «Рогов И. С. · Вторая смена».

Первый звонок приняла Вторая смена. Илья прижал наушник пальцем.

— Да, это Илья. Вы со стороны аптеки?

Он узнал себя с первого слова. Даже маленькая заминка между «да» и «это» была его. Так он говорил на смене, когда знал, что дома за него сварят ужин. Из десяти записей двойник выбрал голос, которым Илье самому хотелось отвечать на звонки. Он повторил фразу вполголоса и услышал, как устал.

Вторая смена приняла отмену второго рейса. Третья заявка пришла от Димы. Он стоял на конечной с пустым салоном и опущенным пандусом. Машина после рейса должна была оставаться на дежурстве до восьми. Пандус перекрывал дверь, насос быстро сажал аккумулятор.

— Мне бы двадцать минут, — сказал Дима. — Мне в кабинет надо отметиться, я ещё перчатку там оставил. Потом ставь на что хочешь.

Илья поднял палец, привлекая Тамарино внимание. На эти двадцать минут Димин сектор останется без автобуса, и до дальней больницы придётся гнать машину с другого берега. Он подвинулся к клавиатуре. Двойник уже открыл график и нашёл обязательный перерыв: у Димы он начинался сразу после прибытия в больничный квартал. Последние три таких перерыва он провёл за рулём.

— На самом деле у тебя двадцать восемь, — произнёс голос в наушнике. — Только ты мне скажи, можно оставить пандус опущенным, пока проверяют насос?

— Можно. А чего?

— Я найду, кто возьмёт стеклянную остановку. С опущенным пандусом никуда не трогайся. Поставь ограждение и сходи. Когда вернёшься, скажу, куда ехать.

Рука Ильи замерла над клавиатурой. На другом берегу освободилась машина: пассажир отменил поездку. Водительница могла забрать Димину остановку, но опоздала бы на семь минут. Двойник согласовал задержку и передал ей рейс. Водительница ответила: «Слышу, беру». Димин значок на карте погас на двадцать восемь минут. Если бы позвонили из дальней больницы, Илье пришлось бы отвечать самому. Все двадцать восемь минут он ждал звонка. Больница не позвонила.

Когда пробное окно кончилось, Тамара забрала назад последний короткий рейс. Она считала секунды вслух, пока у неё подгружалась строка.

— Приняла. Вот и Дима спокойно сходил на перерыв. А раньше мы хоть раз ставили кого-нибудь на его место на эти полчаса?

— Мы всегда знали, где у него перерыв, — сказал Илья.

— Значит, теперь ещё будем знать, кто ждёт вместо него.

Тамара придвинула журнал. Оба имени поместились в одной строке: сначала его, потом через косую — имя двойника.

В общий чат Дима прислал фотографию пустой перчатки на скамейке в больничном кабинете. Один палец загнулся внутрь. Под фотографией стояло «нашёл». Потом пришло личное сообщение: «Ты правда все заявки на полчаса с ме-

ня снял? Что с тобой?» Илья начал набирать объяснение и стёр. Пассажирам просили ничего не говорить до конца испытания, а водителям сказали, что в зале сидит помощник. Он отправил Диме значок с поднятым большим пальцем.

• • •

Вечером Лида ходила у окна в шерстяных носках Таси. На пятках ещё держались белые резиновые пятнышки, чуть выше уже проступала сетка. Оксана усадила Лиду за стол, оставила ей клеевой карандаш и передала Илье бумажку, на которой записала, до скольких обещала остаться. У Оксаны действительно вышло полчаса. Она взяла с него обещание отметить в календаре, что в следующую среду всё по-старому. За это время Лида свернула из картона два футляра для мелков и прищепками прикрепила к ним бумажки с именами. «Иля» она написала без мягкого знака, заметила и решила оставить.

Перед сном они отыскали парк на старой бумажной карте. Синяя линия переправы пересекала изгиб реки. Северный вход скрывался под названием длинной улицы, которой на карте в телефоне уже не было. Илья показал, где, по его памяти, была рыба. Лида приложила к карте ладонь и прищурилась, прикидывая расстояние.

— Если плыть по синей линии, я не успею дочитать, — сказала она.

— А если пешком?

— Тогда успею. Но я хочу ещё катер.

Лида забрала в кровать книгу о городских фонарях. Когда Илья пришёл за книгой, она уже спала, уткнувшись лицом в одеяло. Палец лежал между страницами с проводами. Илья высвободил книгу и положил её на табурет. На планшете у кровати было открыто школьное приложение с кнопкой «Папа». Он свернул его и проверил график. С полуночи до четырёх двойник будет брать оплачиваемые заявки, а в четыре передаст незаконченные Тамаре. При аварии позвонят самому Илье. Он завёл будильник и положил телефон экраном вниз.

За час он проснулся три раза. В два одиннадцать проверил, не было ли вызовов. В два сорок нащупал пустой стакан и сходил за водой. В три ноль семь собрался сесть и дочитать инструкцию. Отодвинул подушку к стене, где она не сваливалась, и сразу уснул.

Утром Лида стояла босиком на коврике в прихожей и совсем тихо говорила правой ноге «вставляйся». Нога скользнула в ботинок. Илья снял телефон с зарядки. Ночью ему не звонили. Смена приняла три заявки, две закрыла и одну передала по списку. Впервые за много месяцев он сел на табурет и завязал шнурок на Лидином ботинке с первого раза. Телефон остался лежать рядом.

Когда он отвёл Лиду в школу, на счёт пришли две тысячи семьсот шестьдесят рублей. Двойник вывел всю сумму сразу, как обычно делал сам Илья. Под выплатой появилось напоминание: «Отложить 460 на Димин перерыв, если его опять

не оплатят». Илья никогда не давал Диме деньги просто так. Да тот бы и не взял. Илья попробовал представить, с каких слов он начал бы такой разговор.

Внизу окна была кнопка «Удалить». Илья нажал её и ещё немного смотрел на пустую строку. До обеда он перевёл за квартиру две тысячи триста. Оставшиеся четыреста шестьдесят лежали на карте.

4. До девяти

В субботу Илья обнаружил, что до десяти утра на кухню падает солнце. Край стола у окна прогревался, и если сесть спиной к мойке, можно было завтракать, опираясь на него голыми локтями. Наверное, так было каждую ясную субботу. Илья не помнил, когда в последний раз сидел здесь в это время. В прошлую субботу он в школьном туалете вытаскивал из Лидиной молнии нитку от подкладки. В позапрошлую они стояли в очереди за мешком соли, в помещении без окон.

Лида взяла у него стакан молока, поднесла к полосе света и посмотрела снизу.

— Снимай, — сказала она.

— Куда?

— На мой.

Он сфотографировал стакан на её планшет. На снимке молоко оказалось синее. Лида вернула ему стакан и предложила выпить, пока синее. Илья выпил половину. Они нажарили блинов с дырками и вовремя отдёрнули от конфорки задымившееся полотенце. Илья застелил стол старой клеёнкой и дал Лиде самой наливать тесто половником.

— Оксана говорит, первый надо выкинуть.

— Дай ей первый, когда придёт. Посмотрим, что сделает.

Лида перевернула блин на тарелке. К неровному краю

прилипло крошечное белое пятно.

— Я ей сделаю совсем новый.

По субботам воду отключали на полтора часа. Они сложили посуду набок в тазу, чтобы потом одного ведра хватило на всё. Илья распечатал с планшета расписание катера. На листе пропечаталась только нижняя половина. Он уже хотел найти чистую бумагу, но Лида вырезала часы и подложила их под карту, прямо к пристани.

С работы пришёл отчёт за вторую пробную ночь. Сумма менялась от смены к смене. На этот раз вышло тысяча шестьсот с мелочью за рейс для городского центра и две отмены. В строке по центру стояло: «Задержка на входе 11 минут». Двойник предупредил о ней заранее. Илья знал охранницу на том входе и обычно велел звонить ей до выезда. Он открыл журнал. Двойник сам позвонил охраннице и договорился, что водитель заберёт пассажира после пересменки, когда ворота и так будут открыты. Водителю не пришлось жечь топливо в ожидании.

В центре нашлось два маленьких магазина, которые раньше были закрыты всякий раз, когда Илья шёл домой. Они с Лидой ходили между прилавками с редисом и ведёрками сметаны. Пока продавщица резала сыр, Лиде разрешили взвесить три мелка. Мелки весили восемьдесят два грамма, хотя один стёрся наполовину. Лида попросила самую маленькую бумажку, где напечатан вес, чтобы вклеить в альбом. Продавщица нашла чек без цены: принтер барахлил и

напечатал одни нули.

Они дошли пешком до пристани, чтобы посмотреть, как садятся на катер. Катер один раз показался из-за зданий, белый борт накрыло брызгами. На корме стояла собака в жилете. Лида опустила карту.

— Я хочу на ту скамейку. Которую снизу видно.

Лида показывала на место для коляски. За стеклом вместо сиденья был широкий фиксатор. Илья уже открыл рот, чтобы объяснить, что их туда не посадят, но тут открылись двери катера. Из борта выехала рампа, её край лёг на площадку. За собачьим хвостом показалась рука с поводком. Парень у трапа дважды попросил пассажиров сначала дать людям выйти. Лида подождала, пока двое сойдут, и наклонилась посмотреть, как следующая пара ног ступает по поперечным полосам. Илья смотрел вместе с ней. Впервые за долгое время ему не нужно было подсказывать, куда поставить ногу.

Они не сели на катер. Во второй половине дня обещали дождь, да и собрались только до пристани. Дома Лида отметила карандашом точку, до которой дошли. У Ильи колонка с рабочими вызовами оставалась серой. Он проверил дважды. Потом вынул ложку из кармана и вымыл сам. Лида собралась в мастерскую после обеда, Оксана обещала проводить её домой к ужину.

Он вернулся к пристани после обеда один. Утром хотелось показать Лиде, что он теперь может никуда не спешить. К обеду захотелось просто прокатиться самому. В кассе сто-

яла жена одного из водителей. Она дала ему посмотреть дежурный лист и сказала, что ближайшая посадка через сорок три минуты. Он прежде на такие вещи всегда отвечал, что зайдёт в следующий раз.

— А места на двоих есть? — спросил он.

— Есть. За сорок минут может ещё человек десять прийти. Вы за ней сходите, если недалеко.

Лида теперь складывала у Оксаны новую коробку и просила не забирать до вечера. Илья взял билет на одного. Пока кассирша выбивала чек, он уже приготовился писать дочери, что нашёл хороший маршрут для них. Остановился на слове «нашёл» и убрал телефон. До отправления он сходил к дальним перилам, где вынимали из воды лодочные ступеньки. Мужчина в оранжевых штанах показал на железо за своей спиной. Третий болт с краю почти выпал. Если отпустить ступеньку, она уйдёт под настил. Илья придержал её, пока мужчина доставал инструмент.

Катер пришёл другой, без собаки. При подходе к причалу матрос вышел на нос и отодвинул ногой бухту мокрого троса. Илья увидел парк слева, раньше чем успел сообразить, в какой стороне теперь его дом. Он пересел с кормы вперёд. У правого окна сели трое с одинаковыми кружками. Можно было сойти, найти рыбу и засечь, сколько идти от причала. Тогда с Лидой было бы легче договориться о времени. На пристани он постоял пять минут, пока собирались пассажиры на обратный рейс. До ворот он в первый раз дойдёт с ней.

На обратном пути возле него поставили пустую корзину с большой ручкой. Она занимала столько же места, сколько полная. Мужчина, принёсший её, спросил, не тесно ли. Илья сказал, что ему хорошо. Мужчина кивнул и переставил корзину только к концу пути, когда надо было встать. За пристанью зажигались окна, и в тёмной воде дрожали их отражения. Впервые за столько месяцев Илья съездил куда-то просто потому, что захотел. Дома он положил билет к Лидиному расписанию. Вечером она спросила, где лучше сидеть: впереди, где красиво, или за стеклом, где удобно. Он сказал, что надо попробовать и так и так. Больше про парк в этот день ничего не решали.

• • •

В воскресенье Тамара предложила Илье два дневных выезда. Нужен был второй человек для крепления колясок. Илья согласился на утро, пока Оксана была с Лидой и Тасей в мастерской, и записал в телефоне, к какому часу нужно быть дома. Оксана ещё раз позвонила из автобуса.

— Я обеих заберу и обеих отведу обратно, — сказала она. — В три они разойдутся по домам. В три десять я ухожу на работу. Если опоздаешь, я на улице ждать не буду.

— Я дома с двух.

— Ты себе тоже скажи.

Дима был на второй машине. Он махнул Илье рукой с лестницы, а потом долго не давал поднять боковую створку, потому что проверял ремень. Илья влез с другой стороны.

— Что ты ему ночью обещал? — спросил Дима.

— Кому?

— Мужику с ящиком. Как там, Геннадию с рынка. Он мне утром позвонил, благодарит. Я говорю, какой ящик в субботу, я дома был. Он говорит, вы со своим Ильёй договорились, что ящик сначала поедет, потом он. Мол, Илья слово дал. Откуда у тебя ночь, если Лида одна?

Илья сообразил, о ком речь. В журнале двойника был человек, который хотел забрать со станции старую дачную батарею в фанерном ящике. Ящик в автобус помещался, только тогда в салоне не оставалось места для ходунков. Городскому центру пришлось бы платить за простой. Двойник договорился с водителем попутного фургона. В отчёте Илья нашёл только плату за погрузку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.